
ТЕОРЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Л.С.Клейн

ТИПОЛОГИЯ В СВЯЗИ С МОДЕРНОМ

L.S.Klejn. Typology in Connection with Modernism.

The book *Humans and artifacts* (1991) by the Swedish archaeologist Stig Welinder seems to me very interesting. Welinder sees the essence of archaeological theory in overcoming of two barriers on the path of archaeological cognition: a) between past reality and archaeological record, and 2) between archaeological record and modern knowledge. This conception is very near to mine (1978), but the difference is in the treatment of difficulties. For the first barrier, the difficulty is to Welinder in deciphering the symbols, while to me the task is not only in this but also in defining the past functions. For the second barrier, the difficulty is to Welinder in the difference of statics and dynamics, while to me it is in the contrast between the world of things and the world of ideas.

Welinder estimates the meaning of polithetic structure of the materials for archaeology, yet it seems to me that it would be more consecutive to separate polithetic grouping in a special kind, typology distinct from classification. Welinder's graphic schemes helped me to grasp mistakes, both mine and Welinder's, in dividing polithetic schemes.

Welinder connects polithetic grouping with modernism in the contents and chronology, yet in essence it is near to post-modernist notions while chronologically it is much earlier than modernism. Both the interrelationships of modernism with post-modernism and the polithetic idea with monothetic is much more complex.

1. Идея и структура книги. Книга шведского археолога Стига Велиндера «Люди и артефакты», вышедшая в 1991 г. на английском языке в Осло, невелика по объему, но очень оригинальна. Она носит подзаголовок «Очерк о типологии, сложности и многомерной статистике в археологии XIX и XX веков» (Welinder 1991).

Велиндер считает, что в течение XIX и первой половины XX вв. в археологии держалась одна и та же парадигма, группирующая артефакты в четко разграниченные множества, а во второй половине XX в. (в 70-е — 80-е гг.) произошла смена парадигм, и новая парадигма оперирует уже разнообразными связями между индивидуальными объектами, без четких границ. По мнению автора, эти археологические парадигмы отражают соответственно сменяющие друг друга системы социокультурных отношений между людьми: жестко упорядоченные прежде и более хаотичные — теперь. Эта смена и различие парадигм и вытекающее из нее обновление методов — основная суть всей книги.

В книге 16 глав, но их можно сгруппировать в несколько больших частей. Часть первая излагает саму идею смены парадигм в археологии в связи с отражением общих изменений мира. К этой части можно отнести кроме введения главы 1 и 2. Вторая часть (главы 3 и 4) освещает проблемы теории археологического познания, необходимые для более глубокого понимания связи между типологией и общим устройством социокультурного мира. В третьей части автор подробнее занимается первой парадигмой, долго державшей археологию под своим воздействием. Это главы 5 — 9. И

последняя часть — рассмотрение новой, нынешней парадигмы. Это главы 10 — 16, причем две первые из них и последняя посвящены общим вопросам, а четыре между ними заключают в себе разбор конкретных примеров применения этой парадигмы.

2. Теория двух барьеров. Представление Велиндера о сути археологической теории меня чрезвычайно заинтересовало. Для уразумения археологического познания Велиндер рисует путь археологической информации от древней реальности (а) через археологический источник (b) к тем моделям (с), которые строит археолог. На этом пути Велиндер видит два барьера, коими познание затрудняется. Первый барьер — между древней реальностью и археологическими источниками (т. е. между а и b). Суть его, по Велиндеру, в разрыве между символическими значениями вещей и материальной культурой, данной нам в источниках. Для раскрытия значений нужно знать код, принятый в данной культуре. Вторым барьером — между археологическими источниками и современной археологической наукой с ее моделями (т. е. между b и c). Суть его — в контрасте статики и динамики, в разрыве между статичными вещами материальной культуры и тем, что нужно на их основании построить, — динамикой человеческого поведения и развития культуры.

Для преодоления первого барьера Велиндер предусматривает Теорию Материальной Культуры. Она занимается соотношениями между элементами материальной культуры и символическими значениями. Это, в соответствии с Я. Ходдером, теория о том, как люди упорядо-

чивают мир, как используют символы для того, чтобы упорядочивать и наделять значениями социальную и природную среду. Поэтому теория материальной культуры — это теория о живых людях (Welinder 1991: 28). Для преодоления второго барьера у Велиндера предназначена Теория Среднего Уровня (Middle Range Theory), как ее назвал Л. Бинфорд. Это теория о том, как люди используют материальную культуру. Она определяет, для чего служили те или иные вещи и комплексы. Хотя Велиндер этого прямо не говорит, но получается, что это тоже теория о живых людях.

Коль скоро так, то изучая материальную культуру и группируя артефакты, мы организуем тех людей, которые по тем или иным правилам создавали эти артефакты и пользовались ими. Археологические типы — это образы людей, их поведения (Welinder 1991: 28).

Конструкция Велиндера чрезвычайно напоминает мне мою собственную концепцию познания прошлого археологическими средствами, подробно изложенную в книге «Археологические источники» в 1978 г. на русском языке (Клейн 1978/1995) и, видимо, Велиндеру неизвестную. Это тоже концепция двух разрывов. Но с позиций этой концепции схема Велиндера представляется мне несколько упрощенной — чересчур прямолинейной и однолинейной.

Если говорить о барьерах на пути археологического познания и их (хотя бы в общем и целом) последовательном расположении, то таких барьеров — и соответственно разделов теории археологического познания — никак не два. Д. Кларк насчитал их 5 (Clarke 1973), С. Дж. Х. Даниелс (Daniels 1972) — 6 или 7 (сгруппированных в три группы), а я — 14 (Клейн 1975; 1999). Что же касается тех двух разрывов, которыми обусловлена трудность понимания археологических источников, то эти разрывы, даже в их Велиндеровском варианте (вещи — символы, статика — динамика), явно размещаются на пути познания не один за другим, а так сказать рядом, параллельно. Ведь динамичность характеризует крайние звенья цепи — древнюю реальность и возводимую модель ее, а статика — среднее звено (археологические источники). То же самое можно сказать о втором барьере: символические значения располагаются в крайних звеньях, а нераскрытые означающие — в среднем, в археологических источниках.

Главное, однако, не в этом, а в том, что суть решающих разрывов я вижу в другом.

Трактовка первого разрыва нуждается в уточнениях. Ведь понимать символы в своей культуре обычно не так трудно. Все мы этому обучены сызмальства. Научиться распознавать и понимать символы чужих культур труднее, но и эта задача очень часто успешно решается — нужны лишь контакты и добрая воля с обеих сторон. В ситуации археолога завышка в том, что материальная культура, код к символам кото-

рой надо узнать, давно мертва, непрерывная традиция обычно прервана и код утерян. Поэтому в моей трактовке трудность барьера состоит не в самой символичности, а именно в утрате кода, в разрыве традиции, в отдаленности археологического прошлого от современности, а в ней живет исследователь.

Кстати, этот барьер шире символичности, ибо понять надо не только древнее символическое значение археологических объектов, но и их реальную функцию в прежнем бытовании, их связь с событиями древней жизни. Разве символическое значение важно нам усмотреть в пепелище от сгоревшего дома, или в отходах от производства кремневых орудий, или в обьедках от древней трапезы? Можно, конечно, применять цепочку метафор, подвести и это под символы, но зачем?

Теперь о втором разрыве. Судить по статичным вещам о динамике поведения и развития тоже не так уж трудно. Собственно, почти все основные источники истории таковы — не только археологические, но и письменные. Только источники воспроизводящие (например, в этнографических источниках обряды) динамичны по природе, но и они в известной мере статичны (по крайней мере по отношению к развитию): они воспроизводят один и тот же стереотип. Недавно Ф. Ратцель именовал «этнографическими предметами» не только сами материальные вещи. Э. Дюркгейм рассматривал вообще социальные факты (к которым он относил и этнографические факты) «как вещи».

Материальность артефактов сказывается на археологическом познании, сильно затрудняя его, иначе, чем думает Велиндер. Дело в том, что артефакты бытуют в предметной сфере, в сфере вещей, а научная интерпретация осуществляется в ментальной сфере, в сфере мышления и коммуникации, где оперируют понятиями и речью. У письменных источников этой особенности нет. Они существуют в той же сфере, и перевод в иную сферу не нужен. А с артефактами мы в сфере интерпретации непосредственно работать не можем, их надо предварительно перевести в понятия, и в силу лакуарности, фрагментированности, односторонности и многозначности источников перевод этот может быть осуществлен по-разному. Вот здесь-то и трудность.

Обе эти трудности приходится преодолевать, привлекая другие виды источников и внеисточниковую информацию. По всем этим причинам обычно нет прямого регулярного соответствия между археологическими фактами и явлениями древнего прошлого — объектами и событиями. Поэтому утверждать, что археологические типы — это образы древних людей, можно разве лишь сугубо метафорически, а в теоретическом исследовании этого, пожалуй, делать не стоит.

3. Политетичность и типология. Мне очень

импонирует, что основной задачей своей книги Велиндер сделал политетическое видение материала и разработку понятий и методов реализации такого видения. В сущности, вся книга Велиндера — это превозношение и разработка политетического взгляда на археологический материал. В этом она близка по направленности к моей «Археологической типологии». Однако я считал необходимым идти дальше и выделять политетическую разработку материала не как всего лишь разновидность логической классификации, а как особый вид упорядочения материала — типологию, отличную от классификации.

Дело не только в том, что неудобно употреблять всякий раз длинное двучленное труднопроизносимое обозначение («политетическая классификация»). Дело еще и в том, что безразличное употребление терминов «классификация» и «типология» наводит на мысль об избыточности терминологии, тогда как на деле терминов недостаточно. Оно также приводит на практике к субъективным и случайным разделениям функций между этими терминами, внося путаницу и беспорядочность. Между тем, термин «типология» в ряде отраслей закреплен за группированием по градуированному критерию, который сопряжен со статистическим определением групп. Термин «типология» кроме того лексически связан с терминами «типичный», «типичность», которые имеют именно политетическое значение.

Велиндер правильно оценил отличия политетически упорядоченного материала (в моем понимании — типологии) от монотетически упорядоченного (в моем понимании — от классификации). Он многократно повторяет, что если монотетическое упорядочение связано с дефинициями и четким разграничением групп, то политетичность означает учет индивидуальных позиций объектов в материале, сходств каждого объекта с каждым из остальных, близость каждого к неким выявленным центрам тяготения. Это совершенно иной подход, чем однозначное распределение по ящичкам классификации. Он требует иных методов.

Меня, конечно, радует, что Велиндер принял мое продолжение разработок Кларка в направлении политетизма — мою дифференциацию видов политетического распределения, разновидностей группировки политетического материала (Velinder 1991: 50-52). В развитие моих представлений Велиндер представил наглядные графические схемы группировки материала по Клейну (у меня были только их словесные формулировки).

В английском издании моей «Археологической типологии», которым пользовался Велиндер, было перечислено 6 видов распределения признаков:

- 1) сплошное замкнутое,
- 2) ажурное замкнутое,

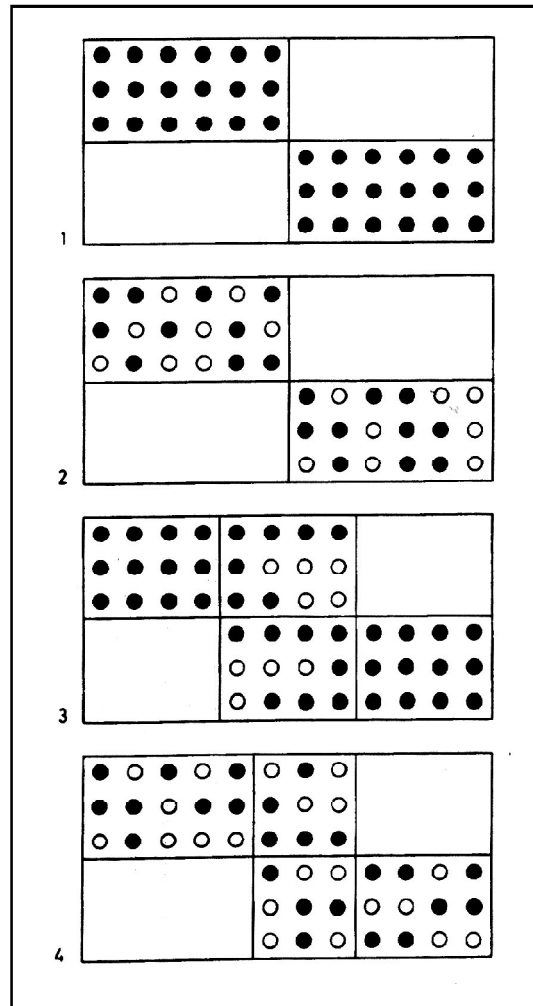

Рис.1. Объяснение в тексте.

- 3) сплошное размытое,
- 4) ажурное размытое,
- 5) ажурное размытое сплошное (ошибка английского перевода, нужно: сплошное размытое слитное с соседними),
- 6) ажурное размытое слитное с соседними (Klejn 1982: 63).

Велиндер отверг два последних распределения, так как они отличаются от остальных не по логическим критериям членения, а только по соотношениям между группами (отделены ли они друг от друга или есть плавный переход от одной к другой). Когда Велиндер писал эту книгу, он еще не знал, что и я в новом, русском издании «Археологической типологии» (Клейн 1991: 58-59) также усмотрел тавтологию в своей разбивке и сократил число разновидностей распределения до 4:

- 1) сплошное замкнутое
- 2) ажурное замкнутое,
- 3) ажурное размытое,
- 4) ажурное размытое слитное с соседними.

Как можно видеть, это не совсем те виды, которые приняты Велиндером. Дело в том, что

соотношение с соседними группами никак нельзя сбрасывать со счетов в политетическом распределении. Ведь сам Велиндер пишет, что в политетическом распределении даже малейшее изменение позиции любого объекта ведет к необходимости перестраивать распределение **всего** материала по группам. Да и на графических схемах Велиндера (см. здесь рис. 1) как раз соотношение между группами учтено и показано: на всех четырех его схемах изображено по две группы, и две первые схемы отличаются от двух последних именно по соотношению в паре (четкое разделение или диффузный переход).

Но раз так, значит его схемы не вполне адекватны его (и моим) названиям и дефинициям групп, а как раз некоторые дефинированные группы на схемах не представлены. А если они реалистичны, т. е. теоретически возможны и осуществимы в материале, то число видов распределения должно быть больше четырех.

Сейчас я думаю, что и я напрасно свел число видов к 4. Должен признать, что упущение мое связано с тем, что я не позаботился о наглядном графическом представлении всех видов распределения, понадеявшись, что представляю их достаточно ясно в уме, в абстракциях. Именно графические схемы Велиндера помогли мне осознать, что этого мало, и убедили меня в том, что мы оба неправы.

Исходя из того, что критериев распределения 3 (компактное — ажурное, замкнутое — открытое, раздельность — слитность), можно теоретически построить 12 видов распределения. Однако некоторые из комбинаций на практике бессмысленны, тавтологичны. Во всяком случае имеют смысл следующие виды распределения (рис. 2):

1. Сплошное замкнутое (монотетическое у Кларка, первое у Клейна 1982 и Велиндера).

2. Ажурное замкнутое (политетическое на графической схеме Кларка, второе у Клейна 1982 и Велиндера).

3. Сплошное размытое, оно же может быть определено как ажурное с компактными (сплошными) ядрами (третье у Клейна 1982).

Далее по логике сочетаний ожидалось бы: 4. Ажурное размытое (так и было у меня в книге 1982 г.). Однако представить это распределение отличающимся от второго распределения невозможно, так как размытость предполагает ажурную периферию при компактном ядре, а если и ядро ажурное при ажурной периферии, то это просто означает, что различия между ядром и периферией по роду распределения просто нет, и на схеме такое сочетание совпадет с распределением 2. Когда я, готовя книгу 1982 г., думал об этом распределении и представлял его себе, я на деле имел в виду нечто иное — такое ажурное распределение, у которого есть сгущения признаков и рассеяние их по периферии, то есть у которого ядро и периферия различаются по

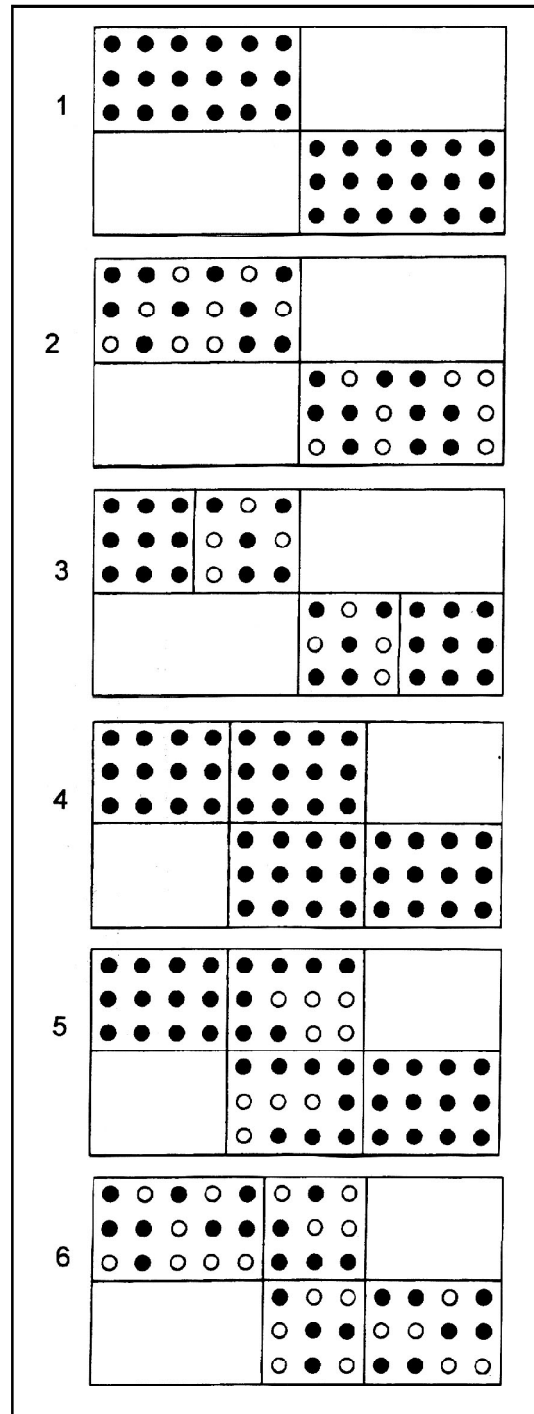

Рис. 2. Объяснение в тексте.

степени плотности. Это иной критерий и он в данном перечне не участвует. Но продолжение списка есть:

4. Сплошное частично замкнутое при том, что часть периферии общая — группы частью слиты с соседними группами.

5. Сплошное размытое с общей ажурной частью — может быть определено как слитно-ажурное с компактными замкнутыми ядрами

(у Клейна в списке 1982 г. это номер 5, у Велиндера на схеме — 3).

б. Ажурное с общей частью для двух или нескольких групп — группы частью слиты с соседними; может быть определено как слитно-ажурное без компактных ядер (у Клейна в списке 1982 г. — номер 6, у Велиндера на схеме — 4).

Намеченные виды представляют собой идеальные типы распределения признаков. Реальные распределения еще предстоит соотнести с ними и посмотреть, какие закономерности поведения с ними связаны.

4. Типология как модернизм? Велиндер очень ярко и элегантно описывает, как викторианский или (в шведском варианте) оскаррианский взгляд на мир сменился на рубеже XIX и XX вв. тем комплексом идей, который получил название модернизма.

В викторианской культуре автор всячески подчеркивает характерную для буржуазной психологии всеобщую упорядоченность, наличие классовых и разных иных перегородок, иерархичность, жесткость и прямолинейность суждений. При этом он игнорирует тот факт, что именно в викторианскую эпоху расцвел эволюционизм, главной идеей которого была постепенность прогрессивного развития, плавность переходов, незаметность рубежей во времени и игнорирование территориальных различий. Он просмотрел, что именно в начале этого периода Кетле выдвинул идею статистического определения типов, при котором выявляются руководящие нормы, а жесткого обозначения границ вообще нет.

Для модернизма же Велиндер считает особенно характерным представление о хаотичности мира, ликвидацию однозначных дефиниций и жестких границ между понятиями, упор на уникальность явлений и индивидуализацию. Альберт Эйнштейн с теорией относительности и Джеймс Джойс с потоком сознания, Жорж Брак и Пабло Пикассо с кубизмом, додекафоническая музыка, структурализм Соссюра, по которому слова изменяют смысл от связей с другими словами в речи, и философия Витгенштейна, видевшего на месте лексических групп гнезда слов, разнообразно сцепленных по смыслу, — вот культура модернизма. Но объективности ради к девизам модернизма надо бы отнести и упования на технику и сугубо научный подход (сциентизм), на рассудок и логику, на строгость научных доказательств. Надо бы учесть, что структурализм рассматривает язык как систему — это далеко от хаоса. Вообще модернизм в науке развивался под знаком неопозитивистских идеалов, а они не очень вяжутся с представлением о всеобщей хаотичности и с отвержением строгих дефиниций и жестких разграничений.

Представление о хаотичности и чрезвычайной сложности мира, о невозможности разгра-

ничений и научных предсказаний, о бессилии строгих методов перед лицом уникальности явлений, абсолютизация свободы индивидуальных выборов — всё это характерно скорее для постмодернизма. По этим причинам постмодернизм предпочитает подчас метафоры логики, иронию — серьезному анализу, гадание — прогнозу, игру и оккультные практики — науке (см. Bintliff 1993). Именно в постмодернизме выработана «мозаичная» теория культуры (Моль 1973, оригинальное изд. 1967).

Не вписывается в схему Велиндера и хронология археологических явлений, трактуемых им как проявления модернистской парадигмы, — имею в виду типологию (политетическое упорядочение) и многомерную статистику.

Что касается последней, то ее методы начали входить в археологию со второй половины 60-х годов XX в., с творчеством «новых археологов» Л. Бинфорда и Д. Кларка. Хотя это были отнюдь не 80-е гг., к которым относится становление новой парадигмы у Велиндера, но в культуре в целом это был уже закат модернизма — он сменялся постмодернизмом. Однако можно допустить, что в археологию модернистские идеи входили с большим запозданием. Во всяком случае «новая археология» действительно придерживалась сциентистских упований и развивала функционалистские идеи и системный подход, а то и другое входило в интеллектуальный багаж модернизма. По хронологии, однако, внедрение этих тенденций в археологию (постпроцессуализм) относится уже к постмодернистскому времени и совпадает с увлечением молодых археологов постмодернистскими идеями, замешанными на структурализме, постструктурализме и герменевтике (см. Earle and Preucel 1987; Bintliff 1993 и др.).

Совсем не ладится это со стремлением подверстать политетическое упорядочение (типологию) к модернизму. Теоретическая разработка политетического принципа в археологии действительно совпадает по времени и по авторству (Д. Кларк) с применением многомерной статистики. Но это только поздняя экспликация старой типологической идеи. Она вошла в археологию значительно раньше. Как я старался показать в своей книге, уже Монтелиус в XIX в. придерживался отнюдь не классификации, а именно типологии — не интересовался границами типов и дефинициями, а старался (если перевести его действия на язык статистики) выявить центры роения признаков и установить связи между этими центрами. По этим связям он прослеживал развитие. В таких центрах он видел идеалы, которым мастера стремились уподобить каждый отдельный предмет. Велиндер называет типологию Монтелиуса хронологической. Правильнее называть ее эволюционной или градационной. Хронология — это только общая цель многих методов, а непосредственная суть приемов Монтелиуса, вокруг ко-

торой всё у него сосредоточено — эволюция или (в формулировке Грэслунда) градация.

Я проследил в своей книге, что традиция типологии развивалась в науке параллельно с традицией классификации с весьма ранних этапов — еще до внедрения этих традиций в археологию. От В. Гёте и Р. Оуэна эта традиция ведет к типам А. Кетле, Э. Тайлора и Л. Бурдо, к литературным типам В. Г. Белинского и к археологическим типам Р. Вирхова и О. Монтелиуса. Традиция же классификации ведет от «общих планов» Ж. Кювье и «типов» А. Бленвиля к «типам» (по сути классам) В. А. Городцова и формальным группам американских таксономис-

тов, представленным на Пекосских конференциях.

Я не хочу сказать этими замечаниями, что книга С. Велиндера плоха. Наоборот, она читается с увлечением и побуждает продумывать заново важные проблемы. И хотя ее основная идея представляется мне непомерным упрощением, всё же какие-то связи между модернизмом и типологическим мышлением, пусть и не исключительные, несомненно выявлены. А главное — показано огромное значение типологического способа группировок для всей современной жизни и для понимания прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

- Клейн Л. С. 1975. К разработке процедуры археологического исследования. // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.: 42-44.
- Клейн Л. С. 1978/1995. Археологические источники. Ленинград, изд. Ленингр. университета, 2-е, расшир., изд. Фарн, 1995.
- Клейн Л. С. 1991. Археологическая типология. Л, Академия наук СССР.
- Клейн Л. С. 1999. Глубина археологического факта и проблема реконверсии. // *Stratum plus* (Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса), 1999, № 6: 337-361.
- Моль А. 1973. Социодинамика культуры. Москва, Прогресс.
- Bintliff J. 1993. Why Indiana Jones is smarter than the Post-Processualists. // *Norwegian Archaeological Review*, 26 (2): 91-100.
- Clarke D. L. 1973. Archaeology: the loss of innocence. // *Antiquity*, 47: 6-18.
- Daniels S. G. H. 1972. Research design models. // Clarke D. L. (ed.). *Models in archaeology*. London, Methuen: 201-229.
- Earle T. and R. Preucel. 1987. Processual archaeology and the radical critique. // *Current Anthropology* 28: 501-538.
- Welinder S. 1991. Humans and artifacts: An essay on typology, complexity and multi-dimensional statistics in 19th and 20th century archaeology (Report series, no. 53). Oslo, The Norwegian Computing Centre for the Humanities.